

К ПЕВЦУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

*Что ми шумить,
Что ми звенить –
Далече рано предъ зорями?..*

1

Над нами кружат времена,
Где ты тревожно пел.
Мы – непокорная страна,
Над нами тучи стрел.
«Что ми шумить, что ми звенить?»
Чья слава, чей позор?
То веры православной щит
Враг расстрелял в упор.
То гибнут дети, старики
И рушатся дома,
И заматает бугорки
Могильная земля.

2

По руслам чутких русских рек
Расходятся круги:
Луганск в беде! В беде Донецк!
Россия, помоги!
Там ополчение стеной.
По кровному родству
В их стане ты, певец родной,
Напрягший тетиву.
Не вычеркнуть и не согнуть
Пронзившую века,
Тебя, пробившую нам путь,

Бессмертная строка.
Певец навеки прозревал
Угрозу диких орд.
Славян к единству призывал
Сквозь княжеский раздор.
Как сын земли моей родной,
В тяжёлый этот час
Перед какой ещё бедой
Предупреждаешь нас?
К братоубийственной войне
И розни меж славян
Бикфордов шнур ползёт извне,
Аж через океан.
Но на пророческий порыв –
В ответ на твой сигнал,
Враз отозвался русский Крым
И Севастополь встал.

ЗАВЕТ ПУШКИНА

Уже согнулись, поклонились
Квадрату чёрному, а в нём
Такие бездны отворились:
Врага за друга признаём.
Себя бессмысленно теряем
В чужих расставленных сетях,
А Лукоморье было раем,
Где – дуб, русалка на ветвях.
С теплом зачитанной страницы
От множества листавших рук –
Пусть из квадрата будет литься
Поток бесчисленных услуг.
Наш Пушкин назовёт друзьями
Собрание книг в последний час.

Они, омытые слезами,
Хранят его могучий глас.
Он выдохнул: клянусь я честью,
Что не способен никогда
Переменить моё Отечество
С историей, что Бог нам дал...
Услышим же, кто сердцем русский,
Слова — пароль, слова — завет,
И выйдем все тропею узкой
Сквозь мрак и тернии.
На свет!

К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Перед тобой нет права на слезу.
Превыше слёз и сырости подвальной
Ты — дерево высокое в грозу,
Само себе и крест, и наковальня.
Ты из огня — дивился сам Гефест —
Гранёные выковывала строки.
Гроза не тронет низкорослый лес,
Все молнии обрушит на высокий.
Твой крест не затерялся, он спасён.
Неразличимый в сумраке окрестном,
Он в новые столетья унесён
Хромающим продымленным Гефестом.

* * *

Когда Россия выстоит в стихии,
Когда отхлынет пенная волна,
Когда она предстанет пред Мессией,
Чем оправдается моя страна?
Она предъявит письма фронтовые
От тех, кто ратный подвиг совершил.
Во имя жизни в праведном порыве
Неправду мировую сокрушил.
Она предъявит скромный треугольник,
Проверенный цензурой и огнём,
И миллионы, вписанных в синодик,
Связавших землю и небесный дом.

* * *

Ковыльные пряди по ветру,
Простор за изгибом реки...
Земля, где свирепствовал недруг,
И где полегли земляки.

На ней, над любым бугорочком,
Из щели, заросшей травой,
Глядят любопытные очи
Цветов, не убитых войной.

Здесь всё безымянно и свято.
Недвижны века и часы.
На каждой травинке несмятой
Я вижу слезинку росы.

Зоя

Когда стихает Минское шоссе
И звёздный мост раскинется над крышами,
Ступая осторожно по росе,
Босая Зоя выйдет из Петрищева.
Ей хочется без усталости идти
Околицей селения притихшего,
Прижав цветы к израненной груди
И слышать сердце, трепетно ожившее.
А в домике, в другом конце села,
Спит девочка, что хочет стать художником.
Вчера цветы для Зои принесла
И молодые листья подорожника.
Когда проснётся чуткая душа,
Вновь повторятся светлые мгновения.
Пройдёт поляной русской не спеша,
Где нет числа цветам поминовения.

СТАРИКИ

Они уже на перевале...
На сквозняке вершин легки,
С привычной горкою медалей
Нас покидают старики.
Не за рубли, не за пожитки
Они себя не берегли.
Все силы отданы с избытком
За счастье матери-земли.
Их ждут пропавшие в тридцатых,
Сгоревшие в сороковых.
Они дойдут без провожатых
До истин горьких роковых.
На горных высях нет таможен.
Нет проходных для всех живых.
Но в дни лишений так тревожен
Туннельный свет с портретов их.

ВАЛЕНТИНА

Осень достигла своей середины.
Солнце заполнило землю до края,
Послевоенную, горше полыни –
Ту, что от горя людского сырая.
Горькое древо моей родословной
К большю глубинной раскрыло листочек
К жизни неласковой, неизбалованной,
Там, где зарубки войны кровоточат.
Сколько родных вдоль переднего края
В землю легло в ту лихую годину!
Выжил отец и, судьбе доверяя,
Слабое чадо назвал Валентиной.
Рано меня отучили от кукол –
Строг был запрет на любые игрушки.
Но и без них я не ведала скуки,
Обруч гоняя от старой кадушки.
Правила гвозди, дровишки пилила –
Всюду с отцом в ежедневных заботах.
Руку отцовскую я заменила
В неизгладимых отметилах фронта.
В травах покосных, ручьях торопливых
Черпала силы земли моей горькой.
Птиц улетающих крик сиротливый
Мне завещали леса и пригорки.

* * *

Это было в сталинские годы –
По-иному их назвать нельзя.

Жил народ мой, отстояв свободу,
Серп и молот к небу вознося.
В нашей тесной, низенькой хатёнке,
Где из кадки – роза в потолок,
Собирались мужики, бабёнки
За победу пригубить глоток.
За живых и за убитых тосты
Разжигали песенный запал-
Дядька мой задумчиво и просто
«Дан приказ!» вначале запевал.
Зимний вечер. Подпевает вьюга
За окном, но всем тепло у нас –
«Три танкиста, три весёлых друга...»
На столе тарелок перепляс.
Вновь бежал бродяга с Сахалина,
Как переживали за него!
А потом – за тонкую рябину,
Что любила дуба одного.
Сам Ермак сидел, объятый думой,
Хаз-Булат с ним рядом удалой.
Стенька Разин, атаман угрюмый,
Горевая над бедною княжной.
Проскакал казак через долину,
Отблестело на руке кольцо.
Помню я – от песен Украины
Мама просветлённое лицо.
Вот мой дед слезу прикрыл рукою.
Все умолкли разом – он один
Нежно: «Буря мглою небо кроет» –
Напевал, и Пушкин приходил...

